

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/19

Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание

Ахмед Алипашевич Мамедов ¹
Елена Александровна Кокоурова ²

^{1,2} Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

² lenochka_211@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8058-0735>

Аннотация

Представлены результаты анализа контекстного окружения лексем *страсть* и *прелесть* на широком массиве материала 1800–2020 гг., извлеченного методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Рассмотрены значения данных слов, реализующиеся в конструкциях *страсть* + *к* + *Dat* и *прелесть* + *Gen*. Установлено, что оба этих слова, будучи исторически мотивированными словообразовательно, имеют сематическую близость, связанную с наличием в их значении отрицательных компонентов. В результате выявляется динамика русской языковой картины мира, состоящая в том, что *страсть* с течением времени больше начинает восприниматься как мучение, а в связи с *прелестью* усиливается идея обмана.

Ключевые слова

сочетаемость, языковая картина мира, корпусный анализ, лексическая семантика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика

Для цитирования

Мамедов А. А., Кокоурова Е. А. Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 270–281. DOI 10.17223/18137083/84/19

Transformation of the combinability of the lexemes *strast'* and *prelest'*: a cultural linguistic analysis

Akhmed A. Mamedov ¹, Elena A. Kokourova ²

^{1,2} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

² lenochka_211@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8058-0735>

Abstract

The paper presents a semantic analysis of the lexemes *strast'* (passion) and *prelest'* (fascination). A large body of material (1800–2020) has been extracted by continuous sampling from

© Мамедов А. А., Кокоурова Е. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 270–281

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 270–281

the National Corpus of the Russian Language. The functioning of the lexical units in question is compared in terms of the Russian world picture transformation in the texts of two periods: 1800–1959 and 1960–2020. The analysis examines the structures *strast'* + *k* + *Dat.* and *prelest'* + *Gen.* These historically derived nouns have been found to have similar semantic features, namely, negative evaluation components. Both periods witness *strast'* being viewed as a subject of action (agent) and a person being perceived as a patient being led by *strast'*. During the first period, *strast'* is conceptualized as a strong feeling that cannot be controlled, while during the second period, it is perceived rather as ultimately insuperable. The semantics of the word *prelest'* in both periods involves the idea of seduction being stronger associated with the physical attraction to women during the second period. A corpus analysis of the most frequent context *prelest' zhizni* has revealed the speakers' attitude to change from the elevated one to ironic and sarcastic. Moreover, within the second period, *prelest'* begins to be perceived as hypocrisy. In summary, the study has revealed that *strast'* came to be understood as torture over time, while *prelest'* was increasingly associated with the concept of deceit.

Keywords

collocation, language world picture, corpus analysis, lexical semantics, cultural linguistics, cognitive linguistics

For citation

Mamedov A. A., Kokourova E. A. Transformation of the combinability of the lexemes *strast'* and *prelest'*: a cultural linguistic analysis. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 270–281. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/19

Предположение о том, что язык и мышление связаны между собой, получило широкое распространение среди лингвистов в XX в. Согласно «принципу лингвистической относительности», люди, которые говорят на одном языке, объединены конкретным мировосприятием, потому что их язык определяет способ видения мира. Воссоздать этот образ окружающей человека действительности, который имеет в виду говорящий во время речевого акта, – значит восстановить языковую картину мира, т. е. «отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Левонтина, 2020, с. 896].

Предпринятый далее анализ этих «представлений о мире» основывается на изучении сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть* и выявлении их семантических особенностей, поскольку, как отмечает Ю. Д. Апресян, «значение не дано в тексте в явном виде, поэтому, если мы хотим найти объективную процедуру установления и классификации значений, мы должны опираться на такие свойства текста, которые даны нам в прямом наблюдении и достаточно полно отражают интересующие нас, но скрытые от прямого наблюдения семантические свойства» [1967, с. 23–24].

Выбор лексической пары *страсть* и *прелесть* обусловлен установленной на этапе предварительного анализа семантической близостью этих слов, а также конструктивной ограниченностью рассматриваемых значений (см. представленный ниже анализ словарных дефиниций). По мысли В. М. Шаклеина, язык является «средством интерпретации человеческой культуры, ментальности народа» [2012, с. 5], следовательно, выявление изменений в сочетаемости данных слов позволит обнаружить трансформацию обозначаемых ими понятий, а значит, рассмотреть соответствующий фрагмент русской лингвокультуры в динамике.

Для реконструкции языковой картины мира носителей русского языка выбрано два временных промежутка:

1) 1800–1959 гг. – современный (в широком смысле) русский литературный язык, т. е. начиная с языка времени А. С. Пушкина;

2) 1960–2020 гг. – современный (в узком смысле) русский литературный язык, т. е. язык второй половины XX в. (одного поколения).

Для анализа семантики лексем из Национального корпуса русского языка взято 5 256 контекстов, содержащих слова *страсть* и *прелесть* в следующих синтаксических конструкциях: в «левом» окружении исследуемой лексемы присутствуют согласованные со словом *страсть* / *прелесть* прилагательные и причастия, а также координируемые с ним личные формы глаголов, а в «правом» окружении – слово в дательном или родительном падеже в зависимости от анализируемой лексемы:

а) *Adj* / *V* + *страсть* + *κ* + *Dat*;

б) *Adj* / *V* + *прелесть* + *Gen*.

Отметим, что в данном случае анализируемые слова, согласно МАС, реализуются во втором своем лексическом значении:

‘Страсть 2. Сильная увлеченность чем-либо¹, отдача всех своих душевных сил какому-либо делу, занятию; страстность, пыл. – [*Вронский*] не только не скучает, но он со страстью занимается. || **Сильное влечение к чему-либо, пристрастие к какому-либо** делу, занятию. *Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречит.* || О том, что является предметом **сильного увлечения**, постоянной склонности. – *А вы занимаетесь химией? Это моя страсть*’ [МАС 2, 1984, с. 282];

‘Прелесть 2. Чего. **Привлекательность**, привлекательная сторона чего-либо. *Для меня путешествие имеет еще пока не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаний.* || *мн. ч. (прелести, -ей). Приятные, привлекательные явления, особенности чего-либо. Прелести деревенской жизни*’ [МАС 4, 1999, с. 378].

В ходе исследования этимологии и истории лексем *страсть* и *прелесть* было установлено, что слово *страсть* связано со *страдать*, а лексема *прелесть* исторически образована префиксальным способом с помощью приставки *пре-* путем присоединения к слову *лесть*:

‘Страсть 1, укр. *страсть*, чеш. *strast* ‘горе, страдание, печаль’. Во всяком случае, связано со *страдать* из **strad-tь*’ [Фасмер, 1987, с. 771];

‘Прелесть, прелестный, стар. знач. прельщающий, обманный (ср. *речи прелестные*). От *пере-, пре-* и *лесть*’ [Там же, с. 358].

Таким образом, слова *страсть* и *прелесть* исторически мотивированы словообразовательно, а значит, можно предположить, что они сохраняют в своем значении компоненты лексического значения их производящих слов, т. е. глагола *страдать* и существительного *лесть*. Для того чтобы проверить это, обратимся к различным историческим словарям.

Протоиерей Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» (1899 г.) и В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866 гг.) дают следующие определения лексем:

¹ Здесь и далее в толкованиях, контекстах и цитатах все подчеркивания и иные графические выделения принадлежат нам.

‘**Страсть** – сильное желание чего-либо запрещенного; **страдание, мучение**; страсть, сильное желание; болезнь’ [Дьяченко, 1993, с. 671];

‘**Прелесть** – что обольщает в высшей мере; **обольщение, обаяние**; морока, обман, соблазн, совращение от злого духа; *стар.* хитрость, коварство, лукавство; красота; что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю’ [Даль, 1907, с. 1025].

Теперь обратимся к «Русскому толковому словарю» В. В. и Л. Е. Лопатиных, где лексемы *страсть* и *прелесть* истолкованы следующим образом:

‘**Страсть**:

1. Сильно выраженное чувство; крайнее увлечение. *Страсти разгорелись*;

2. Предмет сильного увлечения, постоянной склонности. *Книги – моя страсть*;

3. Сильная любовь с преобладанием чувственного влечения. *Воспылать страстью к кому-нибудь*;

4. Страх (во 2 знач.), ужас (во 2 знач.) (*разг.*). *Рассказывать про всякие страсти*’ [Лопатин, Лопатина, 1998, с. 680];

‘**Прелесть**:

1. «**Очарование, обаяние**, привлекательность. *Прелесть улыбки*;

2. *Мн.* Приятные, привлекательные явления, впечатления. *Прелести деревенской жизни*;

3. О ком-чем-нибудь прелестном, чарующем. *Какая здесь прелесть*’ [Там же, с. 503].

Анализ словарных дефиниций показывает, что лексическое значение исследуемых лексем изменилось, однако негативный компонент в их семантике сохранился, что видно в контекстах, относящихся к периоду современного русского языка. У лексемы *страсть* сохранились компоненты ‘страдание’ и ‘мучение’ (хотя они больше не фиксируются в дефинициях исследуемого слова в современных толковых словарях), а у лексемы *прелесть* – ‘обман’ и ‘соблазн’. Кроме того, наличие отрицательных компонентов в значениях обоих слов указывает на их семантическую близость.

Обратимся далее к исследованию семантики слова *страсть*. В ходе анализа были выявлены самые употребляемые существительные в «правом» окружении лексемы *страсть* (табл. 1) и самые употребляемые слова в «левом» окружении этой лексемы (табл. 2).

В ходе исследования было выявлено, что в обоих периодах *страсть* представляется носителями русского языка как субъект действия (агенса), а человек – как пациент, управляемый *страстью*. Это чувство в первый период такое сильное, что его нельзя держать под контролем, во второй период оно больше воспринимается как непобедимое в принципе (появляется семантика непобедимости). Помимо этого, *страсть* может появляться у людей разными способами (*родилась, возникла, появилась, развилась, просыпается, образовалась* и т. д.):

(1) *Некоторые мучимы неодолимою страстью к чувственным наслаждениям, которым бесстыдно предаются у всех на виду* (Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928));

(2) Внезапно **проснувшаяся страсть к рисованию** вычерчивала ее тонкую, чистую, беспокойную натуру (Д. С. Филиппов. Галерная улица // «Волга», 2013).

Таблица 1

Самые употребляемые существительные
в «правом» окружении слова *страсть*

Table 1

The most frequently used nouns
in the “right” context of the word *strast'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Существительное	Количество употреблений	Существительное	Количество употреблений
<i>игра</i>	56	<i>путешествие</i>	28
<i>охота</i>	42	<i>игра</i>	18
<i>театр</i>	32	<i>жизнь</i>	13
<i>женщина</i>	32	<i>нажива</i>	13
<i>чтение</i>	30	<i>деньги</i>	13
<i>путешествие</i>	27	<i>женщина</i>	13
<i>искусство</i>	24	<i>коллекционирование</i>	11
<i>наука</i>	19	<i>чтение</i>	11
<i>музыка</i>	19	<i>наука</i>	11
<i>карты</i>	19	<i>разрушение</i>	11

Таблица 2

Самые употребляемые слова
в «левом» окружении лексемы *страсть*

Table 2

The most frequently used words
in the “left” context of the lexeme *strast'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений
<i>несчастная</i>	16	<i>неуёмная</i>	12
<i>неудержимая</i>	13	<i>патологическая</i>	8
<i>особенная</i>	12	<i>общая</i>	7
<i>сильная</i>	11	<i>тайная</i>	7
<i>пламенная</i>	11	<i>пламенная</i>	7
<i>непреодолимая</i>	10	<i>болезненная</i>	7
<i>благородная</i>	9	<i>воспылать</i>	5
<i>безумная</i>	8	<i>давняя</i>	5
<i>врождённая</i>	8	<i>неистребимая</i>	4
<i>пагубная</i>	8	<i>всепоглощающая</i>	4

В обоих периодах чаще всего неприятности приносила *страсть* к людям, развлечениям, деструктивным процессам, алкоголю и наркотикам. Стоит отметить, что в первом периоде *страсть* к людям воспринималась довольно неоднозначно. С одной стороны, она оценивалась положительно (*нежная, романтическая страсть к + Dat*), но с другой стороны – крайне отрицательно (*греховная, жестокая, пагубная, злополучная, роковая, проклятая и т. д. страсть к + Dat*). Во втором же периоде *страсть* к людям начинает осознаваться гораздо негативнее, чем в предыдущий период. Для характеристики *страсти* часто используются слова с негативной семантикой (*пагубная, патологическая, роковая* и т. п.), она больше начинает восприниматься как грех (*греховная, грешная*), и ее невозможно *укротить*. При этом утверждается, что *страсть* к женщине – самая слабая из всех возможных:

(3) *Наполеон, еще будучи женихом, воспылил нежною страстью к Марии Луизе и, став мужем, окружил ее заботою, ласкою, любовью и роскошью* (П. И. Ковалевский. Наполеон I и его гений (1900–1910));

(4) *Однако неукротимая страсть к женщине болезнью все еще почему-то не считается* (Александр Мелихов, Андрей Столяров. Небесное и земное // «Октябрь», 2001).

В обоих периодах *страсть* часто ассоциировалась и сравнивалась с пламенем и огнем. Она могла быть *возгоревшеюся, вспыхнувшей, пылающей, пламенной*, ею можно было *пылать, гореть*. Больше всего такая *страсть* была направлена на людей (причем количество таких употреблений в процентном соотношении выросло (было 23, стало 30 %)), а также в небольшом количестве на искусство (в частности на литературу). Также *страсть* в обоих периодах ассоциируется с неизлечимой болезнью, которой можно заразиться:

(5) *Счастье мое, что она еще до сих пор не знает о моей пламенной страсти к Соне Никитенко!..* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1893));

(6) *Как показало социологическое обследование, проведенное в США, те, кто живет в радиусе до 10 миль (16 километров) от казино, заболевают патологической страстью к игре вдвое чаще, чем жители домов, находящихся дальше этого предела* (Кунсткамера // «Наука и жизнь», 2006).

Во втором периоде усиливается негативная оценка *страсти* к деньгам. Теперь она воспринимается сильнее самого «владельца» *страсти*, и ради ее удовлетворения человек начинает терпеть неудобства:

(7) – *Если б не моя чудовищная алчность и жажда наживы, я бы послала вас к черту вместе с вашим кандидатом. Но страсть к деньгам сильнее меня. Поэтому я постараюсь взять себя в руки и начать работать на него* (Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)).

Во втором периоде *страсти* приписывается время ее существования – она может быть старой (*давняя, былая, тогдашняя*) либо постоянной (*всегдашняя, перманентная, извечная*), при этом она сопровождает человека на протяжении всей его жизни:

(8) *В последнее время жена требовала к себе больше внимания, хотя его былая страсть к ней улеглась, отношения вошли в то тихое русло,*

плавание по которому всякая начинающая стареть женщина воспринимает на первых порах как трагедию (Леонид Юзефович. Князь ветра (2001)).

Самой сильной всегда считалась *страсть* к игре, а во втором периоде отметились, что она сильнее даже сексуальной *страсти* к человеку и наркотикам. От нее невозможно избавиться (*неистребимая страсть*), а также ее называют *патологической, болезненной, глупой, маниакальной*:

(9) *Эта страсть посильнее даже наркотиков. Не зря еще Пушкин говорил, что **страсть к игре** – самая сильная из страстей. Сильнее даже страсти сексуальной* (Анатолий Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // «Звезда», 2002).

Кроме этого, *страсть* могла и убивать людей (*отравлен страстью к + Dat, погубила, загубила, губит убийственная, пагубная страсть к + Dat*):

(10) *Наконец скажу яснее: их **губит** **неодолимая страсть к загородным прогулкам*** (И. А. Гончаров. Лихая болезнь (1838));

(11) *У отца была **пагубная страсть к огнестрельному оружию*** (И. Меттер. Пятый угол (1967)).

Теперь обратимся к исследованию семантики слова *прелесть*. В ходе анализа были выявлены самые употребляемые существительные в «правом» окружении лексемы *прелесть* (табл. 3) и самые употребляемые слова в «левом» окружении этой лексемы (табл. 4).

Таблица 3

Самые употребляемые существительные
в «правом» окружении слова *прелесть*

Table 3

The most frequently used nouns
in the “right” context of the word *prelest*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Существительное	Количество употреблений	Существительное	Количество употреблений
<i>жизнь</i>	151	<i>жизнь</i>	83
<i>природа</i>	48	<i>мир</i>	10
<i>новизна</i>	37	<i>природа</i>	10
<i>мир</i>	33	<i>пейзаж</i>	9
<i>ночь</i>	26	<i>игра</i>	7
<i>красота</i>	19	<i>любовь</i>	6
<i>лицо</i>	19	<i>бытие</i>	6
<i>стих</i>	18	<i>цветок</i>	6
<i>женщина</i>	16	<i>отдых</i>	5
<i>путешествие</i>	15	<i>женщина</i>	5

Таблица 4

Самые употребляемые слова
в «левом» окружении лексемы *прелесть*

Table 4

The most frequently used words
in the “left” context of the lexeme *prelest'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений
<i>главная</i>	37	<i>прочие</i>	18
<i>особая</i>	15	<i>особая</i>	12
<i>своеобразная</i>	10	<i>главная</i>	12
<i>чарующая</i>	8	<i>неповторимая</i>	6
<i>нежная</i>	8	<i>познать</i>	4
<i>поэтическая</i>	8	<i>неизъяснимая</i>	3
<i>испытать</i>	8	<i>своеобразная</i>	3
<i>невыразимая</i>	8	<i>другая</i>	3
<i>таинственная</i>	8	<i>основная</i>	3
<i>особенная</i>	6	<i>живая</i>	3

В семантике слова *прелесть* в обоих периодах есть идея *соблазна*, который в 1960–2020 гг. начинает сильнее ассоциироваться с грехом (в частности с физическим влечением к женщинам). Такая *прелесть* *интимная, соблазнительная, обнажённая, обольстительная, нескромная, порочная* и т. д. Также в контекстах обоих периодов есть компонент ‘очарование’. Люди *увлекаются* и *заманиваются* ею, она *чарующая, пленительная, соблазнительная, манящая*. Такие характеристики встречаются преимущественно при описании *прелестей* женщин (мужчин – нет) и любовных взаимоотношений:

(12) *Помнил я также слова Лактанция Фирмиана, уверяющего, что иногда ангелы-хранители **соблазняются прелестью тех девушек**, души которых они должны бы оберегать от греха* (В. Я. Брюсов. Огненный ангел (1908));

(13) *«Раскрываешь наугад любую страницу и **очаровываешься прелестью красок и теплотой содержания**»* (К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)).

Прелесть воспринимается как объект, который может *исчезнуть, утратиться, потеряться*. Ее пытаются *познать, описать* (*неописанная, необъяснимая, непонятная, невыразимая* и т. д.). Только в отличие от прошлого периода она уже может быть познанной, т. е. *обнаруженной, изведанной, оценённой*:

(14) *Светская жизнь **утратила прелесть новизны**, а с сердечными делами обстояло тогда неважно: шансов на успех у меня не было – я это сознавал отчетливо* (А. А. Татищев. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921) (1928));

(15) *В годы хрущевских реформ советские женщины уже **познали прелесть французской парфюмерии*** (Н. Б. Лебина (Мужчина и женщина: Тепло, мода, культура. СССР – оттепель (2014)).

Одним из самых употребляемых контекстов стал *прелесть жизни*. Жизнь носители русского языка в первый период воспринимали положительно: называли ее *многогранной, многообразной и многокрасочной, мирной, непередаваемой и своеобразной*, они *наслаждались и очаровывались* ею. Со временем отношение изменилось, и она уже не воспринимается так возвышенно, а даже наоборот: в данный период контекст *прелесть жизни* стал употребляться в противоположном, ироничном и саркастическом значении, приобретая явно негативную окраску и оценку, и в таких случаях лексема *прелесть* нередко использовалась в кавычках. Ценность жизни в данный период состоит не в ее многогранности и неповторимости, а в свободе, воле и отсутствии каких-либо ограничений:

(16) *И потому-то мне, несмотря на всю **очаровательную прелесть их жизни**, мне больше нравится простых людей семейный [быт], таких, например, как мои соседи* (Т. Г. Шевченко. Художник (1856));

(17) *Еще одна «**прелесть**» местной **жизни** – невероятно громоздкая по меркам объединенной Европы процедура «прописки»* (Игорь Постнов. Искусство жить в Монако // «Формула», 2001.02.15).

В обоих периодах *прелести* приписывается возраст, время и период ее существования. Она может быть *свежей, старческой, бесконечной, осенней, юной* и т. д.:

(18) *Я отправился в университет пешком, потому что так и здоровее, и дешевле, и приятнее – приятнее потому, что из всех **зимних прелестей нашей природы** я больше всего люблю вьюгу, а летом грозу* (А. В. Никитенко. Дневник (1854));

(19) *Жаловаться не на что: платье выглядело достойным обрамлением **юной прелести его дочурки**, его единственной и ненаглядной...* (Георгий Полонский. Роль в сказке для взрослых, или «Таланты и Полковники» (1970–1980)).

Одним из самых больших отличий является то, что в период 1800–1959 гг. описываемый предмет в контекстах, как правило, содержит в себе несколько *прелестей*, и из этого перечня выделяется та, которая наиболее приятна говорящему и больше всего очаровывает его (*главная прелесть*), а в контекстах периода 1960–2020 гг. объект или предмет, который содержит в себе какую-то *прелесть*, воспринимается дробным, разделенным на части – *прелести*. Поэтому *прелесть* могла быть *прочей, особой, главной, другой, основной, дополнительной и остальной*:

(20) *Ее обгоняли шикарные пары собственных экипажей на резинах, по тротуарам спешила толпа, в которой не было заметно ни одного военного, ни одного чиновника, и я сразу почувствовал, что в этой возможности жить среди людей, не будучи замеченным, и заключалась **главная прелесть Парижа*** (А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947–1953));

(21) *Ну сколько еще в самом деле можно эксплуатировать ностальгию по СССР, бесплатной медицине и **прочим прелестям социализма?*** (Валерий Выжutowич. Переходящее красное знамя // «Московские новости», 2003).

Отдельно стоит сказать о встретившихся случаях употребления лексемы *прелесть* в форме множественного числа (см. примеры 18 и 21). Общеизвестным фактом является то, что абстрактные существительные, обозначающие признак предмета или действия, в форме множественного числа приобретают конкретное значение: «Изоляция признакового слова от носителя признака <...> делает свойство отдельным предметом мысли, что создает условия для дальнейшего опредмечивания. <...> в подобных случаях деадъектив выходит из сферы синтаксической деривации: теперь он обозначает не признак предмета / действия и не признак как таковой, а **предмет, обладающий признаком**, – точно так же, как и другие отадъективные существительные (ср.: *глупец* – глупый человек; наговорил *глупостей* – наговорил глупых слов)» [Гашлыкова, 2013, с. 60].

В 1960–2020 гг. *прелесть* начинает восприниматься как фальшь. Она становится *фальшивой, обманчивой, сомнительной и льстивой*. В этот же период появляется сравнение *прелести* с цветами. Она может быть *неувядающей, цветущей и пахучей*:

(22) *Всё остальное может повториться (со всей яркостью) обманчивой прелестью миража* (А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012));

(23) *То, что элегантный и серьезный постоялец не остался равнодушным к цветущей прелести дочери, с которой вместе работал, а вечерами чаевничал под семейным абажуром* (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)).

Анализ показывает, что изменилось и отношение к искусству. Больше стали цениться не его невыразимость, своеобразие и возвышенность, а подлинность, неповторимость. Положительным осталось отношение к природе, *прелесть* которой *обволакивает* людей, а они, в свою очередь, *любуются* ее сказочной красотой:

(24) *И разве не мастерское выражение индивидуального видения составляет подлинную прелесть фотоискусства?..* (Сергей Дауговиш. О времени в фотографии // «Родник», 1989);

(25) *Можно просто гулять по окрестностям, любуясь прелестью северной природы, роскошными буковыми лесами, дремлющими равнинными реками, мягкими холмами, белым песком на морском берегу, и открывать для себя памятники скандинавской древности* (Королевство сказок // «Туризм и образование», 2000.06.15).

Таким образом, анализ контекстов показывает, что, несмотря на изменение лексических значений слов *страсть* и *прелесть*, негативный компонент в их семантике действительно сохраняется – у лексемы *страсть* сохранились компоненты ‘страдание’ и ‘мучение’, и эта негативная семантика явно преобладает в языке, а у лексемы *прелесть* сохранились компоненты ‘обман’ и ‘соблазн’, но и к тому же увеличилась ассоциация с грехом, пороком и появился компонент, отсылающий к идее физического влечения к женщинам.

Кроме того, полученные данные подтверждают результаты исследований русской языковой картины мира (см., например, [Зализняк и др., 2005]). Так, восприятие *страсти* как агенса, который подчиняет человека своей воле, демонстрирует одну из ключевых идей о непредсказуемости мира. Человек, ссылаясь на овладение им *страсти*, может снимать с себя ответственность за свои поступки, так как он якобы действует не по своей воле, а по воле управляющей им *страсти*. Помимо этого, как отмечается в [Зализняк и др., 2005], единственный вид удовольств-

вия, который не осуждается носителями русского языка, – это эстетическое наслаждение, выраженное в глаголе *любоваться*. Анализ контекстов показал, что, например, *любование прелестями природы* действительно воспринимается русскоговорящими людьми положительно.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1907. Т. 3. 1782 с.
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Изд. отдел Московского патриархата, 1993. 1120 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: ЯСК, 2005. 544 с.
- Левонтина И. Б. Языковая картина мира // Русский язык: энциклопедия / Под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 896–898.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 832 с.
- МАС 2 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4. 794 с.
- МАС 4 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 3. 752 с.
- Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
- Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.

References

- Apresyanyan Yu. D. *Ekspierimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental research of Russian verbal semantics]. Moscow, Nauka, 1967, 251 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols]. I. A. Boduen-de-Kurtene (Ed.). 3rd ed., rev. and enl. St. Petersburg, Moscow, 1907, vol. 3, 1782 p.
- D'yachenko G. *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar'* [Full Church Slavonic dictionary]. Moscow, Izd. otd. Moskovskogo patriarkhata, 1993, 1120 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German and compl.). 2nd ed., Moscow, Progress, 1987, vol. 3, 832 p.
- Levontina I. B. *Yazykovaya kartina mira* [Language world picture]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. A. M. Moldovan (Ed.). Moscow, AST-PRESS SHKOLA, 2020, pp. 896–898.
- Lopatin V. V., Lopatina L. E. *Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian explanatory dictionary]. 5th ed., stereot., Moscow, Rus. yaz., 1998, 832 p.

Shaklein V. M. *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii* [Cultural linguistics: traditions and innovations]. Moscow, Flinta, 2012, 301 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Russian language dictionary: In 4 vols.]. 2nd ed., rev. and enl., A. P. Evgen'eva (Ed.), Moscow, Rus. yaz., 1984, vol. 4, 794 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Russian language dictionary: In 4 vols.]. 4th ed., ster., A. P. Evgen'eva (Ed.), Moscow, Rus. yaz., 1999, vol. 3, 752 p.

Tashlykova M. B. *Semanticheskie etyudy o "sintaksicheskoy derivatsii"* [Semantic sketches about the "syntactic derivation"]. Irkutsk, ISU, 2013, 277 p.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key concepts of the Russian language World Picture]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 544 p.

Информация об авторах

Ахмед Алипашевич Мамедов, кандидат филологических наук, декан факультета теоретической и прикладной филологии, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Елена Александровна Кокоурова, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the authors

Akhmed A. Mamedov, Candidate of Philology, Dean, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Assistant Professor, Russian Language and General Linguistics Department, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elena A. Kokourova, Master's Student, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 03.03.2023
The article was submitted on 10.02.2023;
approved after reviewing on 03.03.2023; accepted for publication on 03.03.2023*